

Убийство на войне как этическая проблема*

А. З. Черняк, М. Л. Ивлева

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Для цитирования: Черняк А.З., Ивлева М.Л. Убийство на войне как этическая проблема // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 1. С. 30–42. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.103>

Статья посвящена активно обсуждаемому в этике войны вопросу о принципах морального ограничения военных действий в соответствии с делением участников войны на законные и незаконные цели военных атак. Авторы анализируют два конкурирующих способа проведения дифференциации этого вида, соответствующих двум версиям самой популярной современной этики войны — теории справедливой войны. Один подход предполагает симметричность прав как комбатантов, так и некомбатантов с обеих сторон на войне, тогда как при другом подходе права распределяются в соответствии с моральным значением войны, в которую вовлечены субъекты, и их вкладом в нее. Авторы показывают, что в обоих случаях нарушается один из важных принципов справедливости. Но причиной этого, как они полагают, является то, что в обоих случаях дифференциацию предлагается осуществлять в соответствии с определенным распределением прав. В таком случае единственным моральным оправданием создания смертельной угрозы для субъекта на войне становится отсутствие у него права не подвергаться такой угрозе в силу каких-то его качеств. Однако авторы аргументируют, что предлагаемые обоснования утраты людьми на войне такого права недостаточны. А из этого должно следовать, что оба принципа дифференциации несправедливы. Тем не менее они могут быть справедливыми, по мнению авторов, если отказаться считать наличие или отсутствие соответствующего права единственным моральным обоснованием создания смертельной или сопоставимой с ней угрозы для кого-то на войне.

Ключевые слова: теория справедливой войны, условия *ius ad bellum*, условия *ius in bello*, комбатанты, некомбатанты, симметричный принцип дифференциации, асимметричный принцип дифференциации.

Введение: этика войны и принцип дифференциации

В современном мире тех, кого могут затронуть военные действия и кто может пострадать от них, принято делить на две правовые категории: законные и незаконные цели военных атак и иных воздействий, имеющих целью причинение вреда противнику¹. Считается, что есть те, чьей жизнью, свободой, благополучием и т. д. допустимо жертвовать ради решения военных задач, а есть те, кем жертвовать мо-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 21-511-07002 МОН РЮО_а «Этносоциальная идентичность на стыке культур в изменяющейся социальной реальности на постсоветском пространстве».

¹ Это деление охватывает не только людей и даже не только живых существ, но нас здесь будут интересовать только люди, которых можно, и люди, которых нельзя убивать на войне.

рально неправильно и преступно. В этике войны это ограничение применения военной силы известно как принцип *дифференциации*, согласно которому законные цели можно, а незаконные — нельзя намеренно атаковать [1, с. 34–40]². Но кого и на каком основании следует относить к незаконным целям военных атак?

В современной этике войны нет единого ответа на этот вопрос, но существующие ответы так или иначе связаны с так называемой теорией справедливой войны (далее — ТСВ) — наиболее популярным объяснением различия между «хорошей» и «плохой» в этическом смысле войной. Согласно ТСВ, моральное качество войны и, соответственно, ее допустимость и законность определяются двумя классами параметров, которые принято называть соответственно — *ius ad bellum* и *ius in bello*. Первые представляют условия, дающие право начать войну, а вторые устанавливают границы допустимого на войне. Дифференциация между законными и незаконными целями военных атак является важнейшим требованием *ius in bello*³. Основное разногласие по вопросу о том, как именно следует осуществлять дифференциацию между законными и незаконными целями военных атак, связано с существованием двух противоположных точек зрения на роль требований *ius in bello*. Одни считают, в соответствии со взглядами Г. Гроция (Hugo Grotius) и Э. де Ваттеля (Emer de Vattel), определившими ставшее в Новое время господствующим понятие справедливой войны, что воюющие стороны в любом случае имеют равные права и моральные обязательства на войне [2, р. 21, 34]⁴. Другие же настаивают на том, что права и моральные обязанности, по крайней мере тех, кого можно считать участниками войны на той или иной стороне, не могут не зависеть от морального значения самой войны, которую ведет их сторона⁵. Приверженцы первого подхода (назовем его для простоты *симметричным*) считают, что дифференциация должна учитывать только то, кем является потенциальная жертва на войне — комбатантом, т. е. тем, кто сражается с оружием в руках, или *нонкомбатантом* — тем, кто не сражается. Гибель *нонкомбатантов* в результате военных действий с этой точки зрения недопустима или (чаще) допускается только в качестве побочного ущерба, который не планировался⁶. *Комбатанты* же с обеих сторон считаются законными

² Воплощение этого этического принципа в нормах международного права можно найти, например, в положениях Женевской конвенции. Обычно это правило трактуется не как жесткий запрет убивать незаконные цели или наносить им ущерб ради решения какой-то военной или политической задачи, а как требование не атаковать их сознательно с целью причинения им смерти или иного существенного вреда ради достижения военной или политической цели. Гибель таких людей и разрушение соответствующих объектов в результате военной атаки допускаются в соответствии с разработанной еще Фомой Аквинским (Thomas Aquinas) доктриной двойного эффекта, если они являются случайным или непреднамеренным следствием военных действий.

³ Подробное описание этих условий и связанные с ними проблемы см., в частности, в [1].

⁴ Самым известным представителем этого направления в современной этике войны является М. Уолцер (Michael Walzer). Он называет это условие «моральным равенством солдат» и отличает справедливость войны (определяемую ее *ad bellum* свойствами) от справедливости методов ее ведения, говоря, что справедливая война может вестись несправедливыми методами, а несправедливая — гуманно.

⁵ Этот взгляд на моральное значение дифференциации восходит к господствовавшим в Средние века версиям ТСВ, на которые решающее влияние оказали труды Блаженного Августина (Aurelius Augustinus Hippoensis). В современной этике войны он был возрожден главным образом усилиями Дж. Макмахана (Jefferson Allen McMahan) [3–6] и сейчас имеет довольно много приверженцев.

⁶ Есть разные версии этого принципа, но общее их содержание сводится к запрету нападать на *нонкомбатантов* ради решения каких-то военных или политических задач.

целями военных атак, а значит, имеют равное право убивать комбатантов противника.

Защитники второго подхода (который уместно назвать *асимметричным*) возражают, что неправильно наделять участников войны с разных сторон одинаковыми правами, если моральные значения военных действий, ведущихся этими сторонами, разные. Из этого следует, что комбатанты, сражающиеся на неправой стороне, не имеют такого же права убивать комбатантов противника, какое имеют комбатанты правой стороны. Требование иммунитета нонкомбатантов при таком подходе тоже обычно признается необоснованным с точки зрения морали, хотя и имеющим некоторые практические основания. Дифференциацию согласно этому подходу чаще всего предлагается осуществлять в соответствии с моральным статусом стороны, которую представляет потенциальная жертва, с одной стороны, и ее моральной ответственностью за угрозы, которые создают действия этой стороны, — с другой [3–5; 7].

Оба подхода имеют свои недостатки, но в этой статье мы сфокусируемся на вопросе о том, насколько каждый из них справедлив.

Симметричный принцип

Принцип дифференциации не всегда был частью ТСВ⁷, и различие между комбатантами и нонкомбатантами определялось по-разному. В настоящее время оно определяется не профессией или образом жизни, а, скорее, ролью индивида на войне. Даже те, кто не согласен с наделением нонкомбатантов иммунитетом, обычно не отрицают, что в отношении них военную силу следует применять более осторожно. Четко провести границу между двумя этими категориями людей, вовлеченных в войну, тоже непросто, потому что роль комбатанта может определяться разными параметрами: фактическим или ожидаемым вкладом в создаваемые угрозы, ответственностью за них, формальной принадлежностью к определенной организации или же согласием исполнять определенную роль (и это может быть еще не весь список). Иногда к комбатантам относят, помимо тех, кто непосредственно сражается с оружием в руках и руководит военными действиями, еще и тех, кто снабжает воюющих средствами нанесения урона врагу [2, р. 144–146; 9]⁸. Вместе с тем, поскольку угрозы, создаваемые людьми, воюющими с оружием в руках, и мирными гражданами, снабжающими их средствами войны, явно не равнозначны, можно возразить, что отнесение тех и других к одной категории морально не обосновано⁹.

---

⁷ Скажем, Августин, один из признанных родоначальников ТСВ, считал, что воюющие за правое дело имеют право убивать всех врагов без разбора, потому что все они виновны, если не перед людьми, то перед Богом [8].

⁸ Правда, в связи с этим также замечают, что нет полной уверенности в том, правильно ли считать их комбатантами в нерабочее время. Однако в этом случае можно возразить, что, если гражданских можно считать комбатантами только в рабочее время, почему военные считаются комбатантами все время: когда обедают, спят, моются и т. д.?

⁹ Рабочий военного завода сознательно производит нечто, пригодное исключительно для войны, тогда как крестьянин, врач или железнодорожник, даже работая на армию, просто выполняет свою обычную работу, которую он делал и в мирное время. Но сознательное производство человеком оружия для конкретной войны все же не равнозначно по своему вкладу в нее непосредственному участию в боевых действиях с оружием в руках.

Но нас здесь интересует сравнительное моральное качество двух принципов дифференциации. Рассмотрим сначала симметричный принцип. Почему законно убивать комбатантов с обеих сторон, а нонкомбатантов — нет? Распространенным обоснованием незаконности убийства нонкомбатантов остается аргумент от их невинности, понятой как отсутствие либо вины за начало войны и произведенные ей бедствия, либо исходящей от них угрозы соответствующего масштаба (либо то и другое вместе) [10, р. 69]. Однако нонкомбатанты могут не быть невинны в обоих этих смыслах [10, р. 130].

Другой известный аргумент состоит в утверждении, что следовать данному правилу в целом полезнее, чем его нарушать. Если все ему следуют, то все застрахованы от использования против них избыточной силы, которая может привести к полному разрушению страны, в том числе — оружия массового поражения, которое невозможно применять дифференцированно [7, р. 161–174, 170]. Однако так можно только объяснить, почему данным принципом стоит руководствоваться, но не почему он справедлив.

Есть мнение, что иммунитет нонкомбатантов на войне может быть обоснован тем, что эти люди, не участвуя в войне в формальной роли комбатантов, не являются инструментами своих правителей [10, р. 130]. Но в определенном смысле все или большинство граждан являются инструментами для государства: как источник налогов, кадров для институтов данного государства, политической поддержки его курса и т. д. Военные должны подчиняться приказам, и в этом смысле у них меньше свободы выбора, но, во-первых, не все комбатанты обязательно военные, а во-вторых, непонятно, почему чисто количественные различия в степени свободы, которые могли бы повлиять, но не обязательно влияют на поведение индивида на войне, должны определять его правовой статус в ней. Ведь если следовать этой логике, то надо признать, что любой, кого силой забрали из дома, накачали наркотиками, лишив, таким образом, способности принимать самостоятельные решения, и бросили в бой, лишился своего права на жизнь, хотя он ничего не сделал, чтобы стать комбатантом, а это произошло помимо его воли.

Что касается комбатантов, то с точки зрения разбираемого подхода даже те из них, что сражаются на несправедливой стороне (несправедливые комбатанты, как их еще называют), не могут быть убиты в силу какой-то коллективной вины, которую они все разделяют (например, за несправедливую войну, в которой они участвуют). Но они теряют право на жизнь (и, по крайней мере, право не подвергаться атакам, имеющим целью причинение им смерти) в силу того, что сознательно создают своими действиями смертельную угрозу для комбатантов (и, возможно, нонкомбатантов) противника, которые имеют право на самозащиту [2, р. 145]¹⁰. Поскольку все имеют равное право на защиту и самозащиту, если только лично не совершили какого-то преступления, делающего атаку на них законной, комбатанты с любой стороны имеют равное право убивать вражеских комбатантов, по крайней мере, в рамках самозащиты и защиты другого.

Но наличие угрозы определенного вида (угрозы смерти или сопоставимой с ней) в лучшем случае может давать право убивать комбатантов противника толь-

---

¹⁰ Согласно Уолцеру, комбатанты с обеих сторон равным образом теряют невинность, когда берут в руки оружие, чтобы его эффективно использовать, и таким образом создают угрозу для других людей [2, р. 145].

ко в границах допустимой обороны — например, в бою¹¹. Но как насчет солдат и офицеров на марше, на отдыхе, вдали от места ведения боевых действий, безоружных солдат, комбатантов, исполняющих небоевые роли, и т.п.? Угроза, которую они создают своими действиями, во-первых, не такая непосредственная, как та, что возникает в бою, даже если она того же типа, а во-вторых, часто она еще и явно не смертельная. Почему столь разные угрозы должны давать равное право убивать? Ведь наше обычное понимание справедливости требует соразмерности реакции угрозе¹².

Еще одним источником равного права убивать вражеских комбатантов на войне может быть, как считают некоторые, добровольность принятия на себя субъектом роли комбатанта. Так, утверждает, что, если информированный взрослый человек, находящийся в здравом уме, добровольно отправляется на войну, он, таким образом, соглашается пожертвовать жизнью, если придется, что дает противнику право создавать и реализовывать угрозы для его жизни [10, р. 160–161]. Правда, так можно объяснить разве что происхождение права убивать на войне тех, кто дал добровольное информированное согласие участвовать в войне в роли комбатанта. Но далеко не все становятся комбатантами добровольно и с полным пониманием связанных с этой ролью рисков. На наш взгляд, неверно, что добровольное информированное согласие субъекта рисковать своей жизнью дает право другому его убить. Во-первых, почему в таком случае аналогичное согласие субъекта сражаться в войне, которая еще только ожидается в некой отдаленной перспективе, не дает право противнику убить его превентивно? Или следует считать, что дает? Если так, то мы получим этику, оправдывающую превентивную войну¹³, причем даже с противником, который имеет полное право защищаться от ожидаемой агрессии. Во-вторых, непонятно, почему согласие быть комбатантом, пусть даже оно включает согласие безоговорочно подчиняться приказам и жертвовать собой, должно давать кому-то право убить такого человека, независимо от того, сделал он что-то плохое или нет, исходит от него какая-то реальная серьезная угроза или нет и т.д. Разве согласие одного человека пойти на смерть автоматически наделяет какого-то другого человека правом его убить? Справедливость обычно этого не предполагает. Обязательства, похожие на обязательства военных, берут на себя также и члены некоторых организаций, прямой обязанностью которых не является ведение боевых действий в случае войны, например полицейские и пожарные. Но никто в здравом уме (кроме разве что преступников или революционеров) не считает, что они в силу этого могут быть законно убиты кем-то на службе.

---

¹¹ Это, однако, тоже не всегда так: в целом это верно для конфликтов, противоборствующие стороны в которых располагают сопоставимыми средствами ведения борьбы. Но, скажем, если война ведется между современным государством, использующим высокотехнологичные средства, и диким племенем, вооруженным только дубинами и луками, комбатанты последнего не будут представлять практически никакой угрозы для противника на поле боя. Было бы странно обосновывать право убивать их в таком неравном бою исходящей от них угрозой.

¹² Уолцер, однако, считает, что даже в ситуации, когда комбатант не несет в себе военной угрозы, в силу чего у противника возникает ощущение, что его неправильно в такой ситуации убивать, право на убийство все равно сохраняется в силу принадлежности субъекта к категории комбатантов [2, р. 138–143]. Но непонятно, из какого требования справедливости это вытекает.

¹³ О несправедливости превентивной войны, в отличие от упреждающей, см.: [2, р. 74–85].

Асимметричный принцип

Этот вариант дифференциации был предложен в рамках так называемой моральной, или, иначе, ревизионистской, версии ТСВ, набирающей популярность в последние годы. Ее защитники отвергают независимость норм *ius in bello*, которым должны подчиняться участники войны, от *ad bellum* свойств войны, в которой они участвуют или которую ведет сторона конфликта, к которой они принадлежат. С их точки зрения, несправедливые комбатанты не имеют права убивать справедливых комбатантов (и тем более нонкомбатантов) даже в рамках самообороны, если только атакующие не применяют к ним избыточное насилие, поскольку они лишились права на самооборону, создав своими действиями несправедливую угрозу жизням невинных людей [5; 6]¹⁴. Справедливые же комбатанты имеют законное право убивать своих несправедливых противников в рамках (пропорциональной) самообороны, потому что они не сделали ничего, чтобы утратить право на самооборону всеми законными средствами. Отсюда и асимметрия прав. Но нонкомбатанты также могут быть виновны и морально ответственны за несправедливые угрозы, создаваемые войной, в которой они участвуют, что в принципе дает право на убийство тех из них, кто несет такую ответственность, в рамках допустимой обороны.

В самом деле, моральное значение войны в целом часто учитывается при оценке конкретных действий участников конфликта с разных сторон. Вполне уместно также предположить, что на начальном этапе войны все агрессивные действия морально неправой стороны несправедливы и, соответственно, все индивидуальные действия, вносящие существенный вклад в осуществление такой агрессии, являются неправовыми, что дает право стороне, являющейся жертвой агрессии, противодействовать им, в том числе вооруженным путем. Все атаки, имеющие такую цель, будут, соответственно, законными и оправданными (в той мере, в какой они отвечают условиям *in bello*), а силовое противодействие им в случае, когда есть альтернатива, существенно снижающая жертвы и страдания с обеих сторон, — неоправданно и несправедливо. Для случаев, когда цели войны для каждой стороны остаются в моральном смысле неизменными по ходу развития конфликта, можно также настаивать на том, что, если вооруженные силы агрессора подвергаются атаке со стороны обороняющихся и в рамках этой обороны убивают атакующих, они все равно морально неправы, потому что они в целом неправы в том, что оказались в этой ситуации, и атакующие имеют законное право их атаковать (если это крайнее (разумное) средство и их действия

---

¹⁴ Под несправедливой угрозой в этом контексте понимают угрозы, возникающие вследствие несправедливой войны. В первоначальной версии этой теории дифференциация прав проводится по признаку невинности: справедливый комбатант может оставаться невинным, даже атакуя несправедливого противника, поскольку вся вина за войну и, стало быть, за то, что данное нападение имеет место, лежит на несправедливой стороне. Несправедливый комбатант с этой точки зрения тоже может быть невинным (если, например, он заблуждается относительно целей войны, являясь жертвой обмана), и в этом случае он имеет право защищаться даже от законных атак противника [3]. Однако в более поздних работах Макмахан делает акцент на моральной ответственности индивида за несправедливые угрозы, создаваемые его действиями. Невинный в смысле отсутствия вины за участие в несправедливой войне комбатант может тем не менее нести за это участие моральную ответственность, поскольку он представляет угрозу для тех, кто невинен и не несет (изначально) моральной ответственности за войну. Соответственно, поскольку право теперь определяется моральной ответственностью, даже невинный несправедливый комбатант не имеет права убивать законно атакующего его в рамках допустимой обороны противника.

отвечают условию пропорциональности *in bello*). В то же время справедливые обороняющиеся в аналогичной ситуации будут морально правы. Выходит, асимметрия прав участников конфликта в случае морального неравенства его сторон — более справедливое этическое требование, чем полная симметрия прав?

Но это было бы так, если бы было верно, что право на убийство автоматически создается виной или моральной ответственностью потенциальной жертвы. В качестве обоснования этого тезиса часто используется утверждение, что случаи нападения справедливых комбатантов на несправедливых подобны случаям нападения полицейского на преступника. Преступник не имеет права сопротивляться законным требованиям полицейского, и, убивая его даже в рамках самозащиты, он совершает преступление, потому что лишился своего права на безопасность и самозащиту, пойдя на преступление (вследствие которого его атакует полицейский); поэтому полицейский имеет право его убить, если он сопротивляется¹⁵. Так же, мол, и несправедливые комбатанты лишаются своего права на самозащиту вследствие своего участия в несправедливой войне, и, сопротивляясь законным требованиям справедливых комбатантов и убивая их в рамках самообороны, они совершают преступление, тогда как справедливые комбатанты имеют право их убивать в рамках своей справедливой войны, потому что те лишились права на безопасность, став комбатантами на несправедливой войне. Но нам кажется, что эта аналогия, скорее, работает против защищаемого с ее помощью тезиса. Полицейский имеет право убить преступника, только если у него есть веские основания считать, что тот представляет смертельную угрозу для него или окружающих или если нет другого способа его остановить. Преступление лишает субъекта права не быть объектом нападения со стороны тех, чьим долгом является борьба с преступностью, но это еще не значит, что оно автоматически лишает его права на жизнь. Иначе полицейские имели бы право убивать преступников в любой ситуации — безоружными в нижнем белье, в полицейской машине, в тюрьме, в зале суда и т. п., — просто потому, что они преступники. Даже если бы отождествление несправедливого комбатанта с обычным преступником, представляющим смертельную угрозу для тех, кто находится на справедливой стороне, было оправданным, непонятно, почему этого должно быть достаточно для возникновения права его убить, а не убить только в случае, если исходящая от него угроза является явной и непосредственной и нет другого способа ее эффективно устранить. Комбатант с любой стороны представляет явную и непосредственную угрозу в бою, непосредственно перед боем или, в крайнем случае, находясь в районе боевых действий в состоянии готовности в них вступить. В других случаях угроза, которую он представляет, не непосредственная и даже не всегда явная. И так же точно, хотя справедливые комбатанты, возможно, подобны полицейским в том, что противодействие агрессии или иной несправедливости, приведшей к войне, является их долгом, они все равно не имеют полномочий суда, который мог бы определить меру вины или моральной ответственности каждого из их противников (которая, очевидно, может быть очень разной, если определяется фактическим вкладом сознательных действий субъекта в создание несправедливых угроз, исходящих от его стороны, как это и предполагает разбираемая теория).

---

¹⁵ По крайней мере, если его сопротивление создает угрозу для чьей-то жизни или здоровья.

Право и оправдание

Таким образом, нам кажется, что оба рассмотренных принципа дифференциации не вполне справедливы, поскольку так или иначе допускают, что людей можно убивать на довольно сомнительных основаниях — таких как принадлежность к определенному классу (комбатантов или несправедливых комбатантов), наличие исходящей от них непрямой и порой не очевидной угрозы, вины или моральной ответственности за что-то плохое или добровольного согласия пойти на войну. Главным источником несправедливости в данном случае, однако, на наш взгляд, является не то, что разрешено творить то или иное зло без достаточного основания, а то, что предлагается считать, что такое основание есть — это право субъекта так поступить или отсутствие у жертвы права не понести соответствующий ущерб. Разрешение использовать летальные средства защиты от нападения, грозящего смертью или чем-то сопоставимо плохим, в границах допустимой обороны как общее положение не выглядит несправедливым, даже несмотря на то что оно предполагает, что в каких-то случаях могут пострадать невинные, потому что мы понимаем, что для каждого общего правила есть исключения и его применение может быть в разной степени оправдано в разных ситуациях. Но оно становится несправедливым, если предполагает, что подобные действия разрешены, потому что субъект в означенных ситуациях имеет право убить нападающего или последний лишается права на жизнь. С одной стороны, это допущение делает данное разрешение универсально применимым в соответствующих обстоятельствах, а с другой — его истинность, мягко говоря, не очевидна.

Вопрос о происхождении прав не менее сложный, чем вопрос о происхождении справедливости. Но чаще всего наличие права на что-то связывают либо с существованием закрепляющих его законов или общественных устоев, либо с довольно узким классом специфических обстоятельств — когда противозаконное в ином случае действие обусловлено крайней необходимостью, продиктованной естественной потребностью или моральным долгом. На войне законы государств не действуют, но если бы так называемые обычаи войны отражали идею законности убийства, господствующую в большинстве современных обществ, убийство противника даже непосредственно в бою далеко не всегда было бы квалифицируемо как правовое деяние. Специфика боя такова, что надежно оценить характер угрозы, исходящей от конкретного противника, не говоря уже о степени его вины или ответственности, чаще всего невозможно — не всегда даже ясно, кто именно твой противник. Тем не менее запрещать стрелять в него в бою на том основании, что он, возможно, не несет в себе непосредственной смертельной угрозы, или находится в беспомощном положении, или невинен, вряд ли справедливо, так как бой за редким исключением¹⁶ есть ситуация повышенного риска для жизни всех, кто в нем участвует, и, отказываясь от действий, предположительно минимизирующих угрозу для своей жизни, человек оказывается в куда более уязвимой позиции, чем в противном случае (а следующий правилам — в заведомо худшем положении, чем не следующий). Значит ли это, что в бою у его участников появляются дополнительные права? Но на каком основании? Вряд ли в силу какой-то

---

¹⁶ Когда бой ведется дистантно с помощью управляемых механизмов. Впрочем, как знать — может быть, в недалеком будущем именно эти виды боя будут превалировать.

законности. Может быть, именно из-за слишком высокого риска? Но в таком случае справедливо было бы отнести все ситуации, в которых выполняется это условие, к классу порождающих дополнительные права, — заметим, не обязательно продиктованные крайней необходимостью. Однако другие подобные ситуации люди обычно так не трактуют. Например, суд вряд ли оправдает пассажира тонущего корабля, убившего в борьбе за последнюю спасательную шлюпку другого пассажира, несмотря на то что это было сделано в ситуации повышенного смертельного риска и от убитого исходила угроза для убийцы. Таким образом, если убийство человека человеком на войне может быть морально оправдано только наличием у сознательно причинившего смерть (или произведшего действия, приведшие к смерти) права убить жертву (или совершить в отношении нее грозящие ей смертью действия), очень немногие действия, приведшие к смерти других на войне, будут морально оправданными, включая даже убийства вражеских комбатантов непосредственно в бою вопреки широко распространенному убеждению. Даже если верно, что жертва (как правило, комбатант) теряет право не быть объектом смертельно опасных для нее воздействий, совершив сознательно определенные действия или оказавшись в определенной ситуации (или роли), что тоже довольно спорно, из этого не следует, что кто-то получает тем самым право убить данного индивида в ситуации, когда это не продиктовано очевидной необходимостью¹⁷.

Однако принцип дифференциации не обязательно должен запрещать одни действия на войне и разрешать другие исходя исключительно из того, кто на что имеет право. Когда военачальник или политик решает разбомбить несколько мирных городов противника, будучи совершенно уверен, что в сложившихся условиях это наиболее действенный и наименее жестокий способ как можно быстрее добиться мира и, таким образом, существенно снизить общие жертвы войны, он не обязан считаться имеющим право убивать мирных граждан, многие из которых невинны, в данной ситуации, даже если его расчеты абсолютно верны. Хотя некоторые виды морального оправдания часто служат основанием считать соответствующие действия правовыми и законными (и даже справедливыми), это не делает все, что имеет моральное оправдание, правовым или законным. Человек, укравший еду, чтобы накормить детей, в ситуации, когда никаким законным способом сделать это было невозможно, все же считается совершившим преступление и нарушившим чужое право, несмотря на наличие очень сильного, в том числе и морального, оправдания.

В связи с этим мы полагаем, что принцип дифференциации, независимо от того, какую из двух его версий мы предпочитаем — симметричную или асимметричную, — не может быть эффективным моральным руководством для воюющих сторон, если он трактуется как принцип, разрешающий и оправдывающий только правовые формы насилия. В этом качестве он либо не практичен, так как ему просто невозможно строго следовать в условиях реальной войны, либо несправедлив. Первое имеет место, если данный принцип исходит из минималистической трак-

---

¹⁷ Разумеется, необходимость может трактоваться весьма широко, в том числе и как просто высокая степень желательности или целесообразности. Под очевидной необходимостью мы здесь, однако, имеем в виду лишь такую необходимость, которая возникает вследствие реальной невозможности решить (в приемлемые сроки) иным способом крайне важную задачу, диктуемую моральным долгом или чем-то сопоставимым на шкале высших ценностей.

товки права, согласно которой участники войны не лишаются каких-либо своих исходных прав и не приобретают дополнительных прав вследствие своего участия в войне [11]. Второе является следствием необоснованного (как мы постарались показать выше) и в этом смысле несправедливого расширения или ограничения чьих-либо прав.

Принцип дифференциации может играть предписанную ему теорией роль, на наш взгляд, только если он не ставит моральное оправдание и, соответственно, лицензирование опасных для других действий на войне в прямую зависимость от наличия или отсутствия у субъектов этих действий права их совершить или у жертв — права не получить соответствующий ущерб. Если убийство может быть морально оправданным, не будучи строго правовым, то этика не обязана запрещать все, что не по праву; неправовые или не вполне справедливые действия могут быть тем не менее разрешены в качестве крайнего средства, и, соответственно, нет необходимости в каждом случае искать правовые основания для такого разрешения, необоснованно расширяя или ограничивая чьи-то права¹⁸.

При такой трактовке данного принципа законной целью военной атаки может быть даже тот, убивать кого атакующий не имеет права. Это может звучать как разрешение убивать направо и налево. Но, во-первых, цель в этом случае все равно не может быть законной, если не имеют место обстоятельства, обеспечивающие сильное моральное оправдание для подобного действия¹⁹. А во-вторых, господствующая на данный момент практика применения принципа дифференциации и так предполагает именно это, поскольку допускает, что нонкомбатанты, хотя и обладают иммунитетом, могут быть тем не менее убиты ненамеренно. Конечно, можно возразить, что здесь не предполагается, что они в подобных случаях являются подлинными целями военных атак, так как их смерть не является результатом, ради

---

¹⁸ Макмахан в связи с этим проводит различие между двумя видами морального оправдания, для одного из которых достаточно, по его мнению, наличия извиняющих факторов, тогда как для другого нужно полноценное правовое основание [6, р. 25]. Так, несправедливого комбатанта может извинять незнание сущности войны, в которой он участвует, или иные обстоятельства, но он все равно, согласно Макмахану, морально неправ и может быть законно атакован справедливыми комбатантами в силу самого факта своего участия в несправедливой войне в роли комбатанта. Но можно заметить, что если под оправданием понимается суждение, снимающее с субъекта ответственность или ее часть, или процедура, основанная на принятии такого суждения, то нет особой разницы между извиняющими и оправдывающими обстоятельствами: одно и то же может называться так или иначе и в обоих случаях быть основанием для акта оправдания. Тем не менее можно сказать, что не все, что оправданно какими-то обстоятельствами, является морально правильным или справедливым. В этом отношении можно согласиться, что у несправедливого комбатанта на войне, где моральный статус сторон четко определен, в среднем меньше моральных оправданий для применения насилия, чем у справедливого. Но нет оснований считать, что это различие определяется различием в правах, которыми они обладают как участники войны. Тот факт, что многие обстоятельства, которыми несправедливый комбатант мог бы оправдать свои действия на войне, не будут его оправдывать в глазах мирового сообщества, а будут в лучшем случае снимать с него часть ответственности, не свидетельствует о том, что обстоятельства, оправдывающие действия правой стороны, наделяют воюющих на этой стороне какими-то дополнительными правами. Если бы это было так, все оправданные действия морально правой стороны считались бы морально правильными и справедливыми. Но это не так: убийство мирных жителей, пленных или детей-солдат, даже продиктованные необходимостью, не становятся более справедливыми от того, что они осуществлены в рамках справедливой войны и что в конечном счете виновной является неправая сторона.

¹⁹ Насколько оно должно быть сильным, определяется этическим содержанием действующих международных конвенций или «законов войны».

которого такая атака предпринимается. Но это — вопрос определения понятия «цель». Если цель действия определяется строго его интенциональными характеристиками, тогда можно сказать, что если атакующий не имеет в виду убить невинных, то они не являются целью его атаки, даже если ему было совершенно очевидно, что они погибнут в результате. Но при таком подходе к пониманию сущности цели действия очень легко представить едва ли не любое покушение на чью-либо жизнь как имеющее другую цель: например, не убить противника, а полностью его нейтрализовать или сделать абсолютно безопасным или прекратить свои душевные страдания, связанные с его существованием, и т. п. Все-таки куда более правдоподобной выглядит гипотеза, что, по крайней мере в тех случаях, когда субъект действия понимает, что X с высокой вероятностью станет жертвой его действия, X является целью его действия, независимо от того, чего именно он хотел этим действием достичь.

Так что, на наш взгляд, принцип дифференциации *in bello*, понятый как принцип, устанавливающий границы допустимого на войне насилия независимо от предполагаемого распределения прав участников войны, не сделает войну более ужасной, чем она есть, но при этом сделает ее моральное регулирование более справедливым.

Литература

1. Копитерс, Б., Фоушен, Н. и Апресян, Р. (2002), *Нравственные ограничения войны: принципы и примеры*, М.: Гардарики.
2. Walzer, M. (1977), *Just and Unjust Wars*, New York: Basic Books.
3. McMahan, J. (1994), Innocence, Self-Defense, and Killing in War, *Journal of Political Philosophy*, vol. 2, pp. 193–221.
4. McMahan, J. (1994), Self-Defense and the Problem of the Innocent Attacker, *Ethics*, vol. 104, pp. 252–290.
5. McMahan, J. (2006), The Ethics of Killing in War, *Philosophia*, vol. 34, pp. 23–41.
6. McMahan, J. (2011), *Killing in War*, Oxford: Oxford University Press.
7. Palmer-Fernandez, G. (2000), Innocence in War, *International Journal of Applied Philosophy*, vol. 14 (2), pp. 161–174.
8. Августин Блаженный (1998), О граде Божиим, в: Августин Блаженный, *Творения*, т. 3, СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс.
9. Nagel, T. (1985), War and Massacre, in: Beitz, Ch. R. et al. (eds), *International Ethics*, Princeton: Princeton University Press, pp. 53–74.
10. McKeogh, C. (2002), *Innocent Civilians. The Morality of Killing in War*, London: Palgrave Macmillan.
11. May, L. (2005), Killing naked soldiers: Distinguishing between combatants and noncombatants, *Ethics and International affairs*, vol. 19 (3), pp. 39–53.

Статья поступила в редакцию 14 марта 2022 г.;
рекомендована к печати 3 ноября 2022 г.

Контактная информация:

Черняк Алексей Зиновьевич — канд. филос. наук, доц.; cherniak-az@rudn.ru

Ивлева Марина Левенбертовна — д-р филос. наук, проф.; ivleva_ml@pfur.ru

Murder in war as an ethical problem*

A. Z. Chernyak, M. L. Ivleva

People's Friendship University of Russia,
6, ul. Miklukho-Maklaya, Moscow, 117198, Russian Federation

For citation: Chernyak A. Z., Ivleva M. L. Murder in war as an ethical problem. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 1, pp. 30–42.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.103> (In Russian)

The article is devoted to the issue of the principles of moral restraint of warfare according to the division of war participants into legitimate and illegitimate targets of military attacks, which is actively discussed in the ethics of war. The authors analyze two competing ways of differentiating this view, corresponding to two versions of the most popular contemporary ethics of war, the Just War Theory (JWT). One approach assumes symmetric rights for both combatants and non-combatants on both sides of the war, while the other approach allocates rights according to the moral significance of the war in which the actors are involved as well as their contribution to it. The authors show that in both cases an important principle of justice is violated. But the reason for this, they suggest, is that in both cases differentiation is proposed according to a certain distribution of rights. In such a case, the only moral justification for creating a lethal threat to the subject in war is that the subject does not have the right not to be so threatened independent of any of his qualities. However, the authors argue that the proposed justifications for the loss of such a right in war are not sufficient. And from this it must follow that both principles of differentiation are unjust. Nevertheless, they can be fair, according to the authors, if we refuse to consider the presence or absence of the relevant right as the only moral justification for creating a lethal or comparable threat to someone in war.

Keywords: theory of just war, *ius ad bellum* conditions, *ius in bello* conditions, combatants, non-combatants, symmetrical principle of differentiation, asymmetrical principle of differentiation.

References

1. Kopiters, B., Foshen, N. and Apresjan, R. (2002), *The Moral Limits of War: Principles and Examples*, Moscow: Gardariki Publ. (In Russian)
2. Walzer, M. (1977), *Just and Unjust Wars*, New York: Basic Books.
3. McMahan, J. (1994), Innocence, Self-Defense, and Killing in War, *Journal of Political Philosophy*, vol. 2, pp. 193–221.
4. McMahan, J. (1994), Self-Defense and the Problem of the Innocent Attacker, *Ethics*, vol. 104, pp. 252–290.
5. McMahan, J. (2006), The Ethics of Killing in War, *Philosophia*, vol. 34, pp. 23–41.
6. McMahan, J. (2011), *Killing in War*, Oxford: Oxford University Press.
7. Palmer-Fernandez, G. (2000), Innocence in War, *International Journal of Applied Philosophy*, vol. 14 (2), pp. 161–174.
8. Augustinus Hipponensis (1998), The City of God, in: Augustinus Hipponensis, *Writings*, vol. 3, St Petersburg: Aleteia Publ.; Kyiv: UCIMM-Press Publ. (In Russian)
9. Nagel, T. (1985), War and Massacre, in: Beitz, Ch. R. et al. (eds), *International Ethics*, Princeton: Princeton University Press, pp. 53–74.

---

* The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the research project no. 21-511-07002 MOH PJOO_a “Ethnosocial identity at the intersection of cultures in the changing social reality in the post-Soviet space”.

10. McKeogh, C. (2002), *Innocent Civilians. The Morality of Killing in War*, London: Palgrave Macmillan.
11. May, L. (2005), Killing naked soldiers: Distinguishing between combatants and noncombatants, *Ethics and International affairs*, vol. 19 (3), pp. 39–53.

Received: March 14, 2022

Accepted: November 3, 2022

Authors' information:

Alexey Z. Chernyak — PhD in Philosophy, Associate Professor; cherniak-az@rudn.ru

Marina L. Ivleva — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; ivleva_ml@pfur.ru